

*Организационный комитет по реализации
программы общецерковных мероприятий
к 100-летию начала эпохи гонений
на Русскую Православную Церковь*

**МАТЕРИАЛЫ
ЦЕРКОВНО-НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«100-ЛЕТИЕ НАЧАЛА ЭПОХИ ГОНЕНИЙ
НА РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ»**

**Храм Христа Спасителя, г. Москва
16 июня 2017 г.**

ла разра-
пределяли

Orthodox
The 12th
Helsinki:
ons, 2015.

Orthodox
2th Finn-
: Nation-
15. S. 98.
яндской
Ф. 6991.

ие Фин-
. 94.
ая Цер-
ии пра-
ск, 1999.

Вступительное слово митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия	3
Вступительное слово Святейшего Патриарха Кирил- ла на конференции «100-летие начала эпохи гоне- ний на Русскую Православную Церковь»	5
<i>Цылин В., прот.</i> Русская Православная Церковь в февральские дни 1917 г.	13
<i>Карпук Д. А.</i> Кандидаты богословия Санкт-Петер- бургской духовной академии 1880–1900-х гг. в сонме новомучеников и исповедников Церкви Русской	31
<i>Ковырзин К. В.</i> Священный Собор 1917–1918 гг. и ранний этап антицерковных гонений	54
<i>Костромин К., прот.</i> К вопросу о сравнении подвига страстотерпцев XI–XII веков и первых новомуче- ников XX века	65
<i>Кострюков А. А.</i> Коммунистическое государство и Русская Зарубежная Церковь	79
<i>Шкаровский М. В.</i> Антирелигиозные репрессии и петербургские новомученики в 1930-е гг.	92
<i>Фирсов С. Л.</i> Семья Церкви. К вопросу о религиозно- психологическом восприятии подвига первых новомучеников Православной Российской Церк- ви, чье участие в Поместном Соборе 1917–1918 гг. было прервано принятием мученических венцов . . .	106

Липовецкий П. Е. Отношение Русской Церкви к политической деятельности 1917-1927 гг.	120
Силуан (Никитин), иером. Значение событий 1917 г. в образовании Финляндской Православной Церкви	140

СЕМЯ ЦЕРКВИ. К ВОПРОСУ
О РЕЛИГИОЗНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ
ПОДВИГА ПЕРВЫХ НОВОМУЧЕНИКОВ
ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ,
ЧЬЕ УЧАСТИЕ В ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ
1917–1918 гг. БЫЛО ПРЕРВАНО
ПРИНЯТИЕМ МУЧЕНИЧЕСКИХ ВЕНЦОВ [1]

Еще в III веке великий христианский богослов и учитель Церкви Тертуллиан, обращаясь к гонителям веры, сказал: «Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь христиан есть семя [христианства]». Зададимся вопросом: насколько эти слова оказались пророческими и для Русской Церкви спустя семнадцать столетий, уже в XX веке, столкнувшейся с открытым богоборчеством в своей стране, в которой Православие на протяжении многих сотен лет было поддерживаемо государством, неизменно заявлявшим о своей православной сущности?

Не будем спешить с ответом, который только на первый взгляд представляется легким. Попытаемся разобраться в существе проблемы.

Не забудем, что трагедия, случившаяся в России после того, как пала монархическая государственность и Верховный Ктитор Церкви — православный Император — вынужденно оставил свое служение, отказавшись от короны в пользу брата Михаила Александровича и передав власть Временному правительству [2], оказалась всеобъемлющей, поскольку революция переросла в Гражданскую войну, а насилие над поверженными стало восприниматься как норма. Извращение представлений о справедливости и добре, классовая демагогия и популизм сыграли злую роль в деле социальной деградации бывших подданных российской короны. Расцвело хулиганство, широко распространившееся в России еще

со времен революции 1905–1907 гг. Названное современниками «безмотивным преступлением», оно широко распространилось по всей стране, пугая современников своим размахом. В 1913 г. в Государственной думе даже рассматривалось «законодательное предположение» против хулиганства, хотя принять специальный закон тогда не успели [3].

Начавшаяся мировая война еще более обнажила все те болезни общества, которые наблюдались ранее. Поражения на фронте, слухи об «измене» в тылу разлагающе действовали на общество, в том числе и на ту его часть, которая прошла школу революции 1905–1907 гг., приучаясь низко ценить человеческую жизнь и достоинство личности. Нравственные устои армии, по словам генерала П. Н. Врангеля, войной были расшатаны. «Нравы огрубели: чувство законности было в значительной мере утеряно. Постоянные реквизиции — неизбежное следствие каждой войны — поколебали понятие о собственности. Все это создавало благоприятную почву для разжигания в массах низменных страстей», — отмечал генерал, не забывая также указывать и на то, что «с падением Царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом власть и эти обязательства не могли быть ничем соответствующим заменены» [4].

Действительно, ситуация после февраля 1917 г. складывалась удручающая. Генерал А. И. Деникин, пытаясь объяснить корни русской смуты уже после того, как «белое дело» было проиграно, вынужден был констатировать, что к началу XX века религиозность русского народа пошатнулась и он постепенно стал терять свой христианский облик, подпадая под власть материальных интересов. Деникин определял все это как «процесс духовного перерождения», подчеркивая, что «поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и Церкви относилась довольно равнодушно», «что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск». А. И. Деникин вспомнил поразивший его эпизод из военной

жизни. Один из полков стрелковой дивизии около позиций с любовью возвел походный храм, но в первые недели революции некий поручик решил, что его рота размещена плохо, и использовал храм в качестве казармы, в алтаре сделав отхожее место. «Я не удивляюсь, — писал генерал, — что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризировано и молчало. Но почему 2–3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?» [5].

На поставленный вопрос он ответа не давал, но то, что он был поставлен, уже показательно. «Раскрещивание» русского народа было, пожалуй, наиболее болезненной проблемой в истории русской революции, без разрешения которой невозможно понять причины насилий, творившихся над Русской Церковью после того, как победили, постепенно утверждаясь во власти, наиболее радикальные сторонники социальных перемен — большевики. Впрочем, обвинять только их было бы неверно. Еще в 1906 г., задумываясь над ходом политических процессов в империи, неославянофил генерал А. А. Киреев позволил себе обвинить духовенство, которое, по его мнению, обращает внимание преимущественно на внешнюю сторону религии, а не на этическую.

«Русский народ несомненно религиозен, — писал А. А. Киреев, — но, когда он видит, что Церковь дает ему камень вместо хлеба, да требует от него формы, „грибков“, читает непонятные простонародно молитвы, когда ему рассказывают про фантастические чудеса, все это торжественно рухнет перед первой умелой проверкой, перед первой иронией, даже грубо нахальной, он переходит или к другой вере (Толстой, Редсток), говорящей его сердцу, или делается снова зверем. Посмотрите, как христианская хрупкая, тоненькая оболочка легко спадает с наших мужиков...» [6]. А. А. Киреев был тонким наблюдателем, верующим православным христианином, монархистом и консерватором. То, что он говорил, никак не было связано со злорадством или с желанием оскорбить

русское духовенство. Он предвидел будущие коллизии, и, к слову, не только он один. Генерал опасался будущего разгула народной стихии и, как это ни покажется странным, с тревогой рассуждал о возможном мученичестве.

В том же 1906 г., разговаривая с Ф. Д. Самаринным (старшим братом будущего обер-прокурора Святейшего Синода), заявившем тогда: «Пусть начнется эра гонений на Церковь, она очистится!», А. А. Киреев, поддержав этот тезис, отметил, что остаток будет небольшой. «Но можно ли не заботиться о тех средних людях, „ни холодных, ни жарких“, которые всегда составляют большинство в каждом обществе; они совсем будут затерты, а стало быть, и их дети и внуки...» [7].

Пройдет чуть более десяти лет, и указанное старым генералом замечание вновь окажется злободневным. Революция, среди прочего, деформировала, отняла у народа его главное (если не единственное) культурное достояние — религиозное чувство, то чувство, благодаря которому многие его представители становились героями и святыми. В 1917 г. многие внимательные современники осознали это в полной мере. Так, обер-гофмейстерина Высочайшего Двора Е. А. Нарышкина в мае 1917 г. с горечью писала в дневнике, что «теперь», когда религиозное чувство у народа отнято, он «возвращается к первобытному состоянию и опускается до уровня скота» [8]. Заметим, что то было время «добольшевистское», когда Временное правительство являлось хозяином страны (хотя и разделяло власть с различными общественными советами и комитетами).

А что же Церковь?

В революционных условиях, находясь под опекой «революционного» обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова, она нашла в себе силы приступить к церковному строительству, летом 1917 г. в большинстве случаев преодолев «левые соблазны» и собственных демагогов, и светских ее критиков. Церковь нашла в себе силы приступить к подготовке Поместного Собора, провести выборы и 15 августа начать работу Собора. Понятно,

что условия для проведения реформ были не лучшими: кипели политические страсти, нарастали разруха в тылу и развал армии на фронте. Появились первые тревожные признаки гражданского противостояния. Образованное общество, далекое от Церкви и до революции, не желало видеть того, что в Церкви происходили великие процессы духовного обновления, что мечта славянофилов о соборности оказалась близка к осуществлению. Увы, большинство интеллектуалов продолжало смотреть на Церковь глазами политических скептиков синодального периода, не веря в ее силы и продолжая утверждать, что она «упала» и вряд ли сумеет подняться вновь. Известный русский историк С. Ф. Платонов, реагируя на открытие соборных работ, в письме коллеге задавался патетическим вопросом о том, «что может быть безотраднее впечатлений от безжизненности и фальшивости пресловутого „поместного собора“» и называя Церковь «гробом поваленным» [9].

Другой крупный знаток русской жизни — И. А. Бунин, — в октябре 1917 г. отмечая, что народ взывает к Богу только в великом горе, а сейчас — «счастлив» — и «где эта религиозность?», заявлял о «жалком» положении духовенства, о том, что его не слышно. «Вот церковный Собор, — продолжал писатель, — кто им интересуется и что он сказал народу?» [10]. Даже когда на первосвятительский престол был возведен святитель Тихон (Беллавин), И. А. Бунин не нашел ничего лучше, как задаться патетическим вопросом: «кому это нужно?» [11].

О своем неверии в творческие силы Церкви вскоре поведала и писательница З. Н. Гиппиус, отметившая 22 января 1918 г. в своем дневнике: «Сегодня хватили декрет о мгновенном лишении церкви всех прав, даже юридических, обычных. Церкви, вероятно, закроются. Вот путь для [Патриарха] Тихона сделаться новым Гермогеном. Но ничего не будет. О, нет людей! Это самое важное, самое страшное. А „народ“... Я подожду с выводами» [12]. Последнее было, безусловно, правильно. С выводами не стоило спешить. К этому времени Церковь в лице

своих архиереев, клириков и активных мирян сумела показать, что разговоры о ее пресловутой «косности» и «реакционности» — это не более чем разговоры, что свои идеалы она будет отстаивать, несмотря ни на какие гонения. Патриарх Тихон, вопреки скепсису интеллигентных наблюдателей, стал новым Гермогеном, а многие его соратники запечатлели верность Православию собственной жизнью. Наступившая «эра гонений» стала доказательством ее внутренней силы, как и сам Поместный Собор продемонстрировал всему миру ее богословскую зрелость. И хотя ряд светских наблюдателей, очевидно не вполне отдавая себе отчет в происходившем, полагали, что Церковь и ее служителей может вернуть к их обязанностям «и вообще поднять Церковь только некоторое гонение» [13], сам факт усиления церковного авторитета на фоне разгоравшейся антирелигиозной истерии и воинствующего богоборчества являлся неоспоримым. Именно тогда Церковь показала и доказала, что она может не только и не столько «социализироваться» в секуляризирующемся мире, но и показывать и доказывать всем маловерным, что значат для нее слова Христа о «вратах ада», которые не одолеют Его Церковь¹.

Таким доказательством, полагаю, можно считать и судьбу многих участников в работе Поместного Собора 1917–1918 гг., смертью своей запечатлевших верность Богу и Церкви. Среди них были 12 первых новомучеников, убиенных до того, когда Собор под давлением новых властителей России окончательно завершил свою работу, в их числе архиереи, клирики и миряне, широко известные церковные деятели и те, чье имя ныне почти никто не знает и чью биографию в полной мере не восстановить. Первым принявшим мученическую кончину в период работы Собора был митрополит Киевский и Галицкий Владимир (Богоявленский; 1848–1918) — один из старейших иерархов Русской Церкви, до февраля 1917 г. — першприсутствующий член Святейшего Синода, почетный

¹ См.: Мф. 16, 18.

председатель Собора, 21 ноября 1917 г. возглавивший чин настолования нареченного Патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина; 1865–1925). На Соборе митрополит руководил работой Отдела о церковной дисциплине. Владыку убили в его кафедральном городе — Киеве, 25 января 1918 г.

Это было первое убийство архиерея, совершенное после захвата власти большевиками. 15 (28) февраля 1918 г. Собор собрался на специальное заседание, посвященное памяти покойного иерарха; перед его началом Патриарх Тихон совершил панихиду. После ее окончания Патриарх сказал слово, в котором заявил о том, что соборяне верят, что смерть митрополита Владимира «была не только очищением вольных и невольных грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов матушки России» [14]. Обратим внимание на сказанное: митрополита Владимира называли «жертвой во очищение» России, т. е., по существу, символом переживавшихся страной антицерковных гонений. Выступавший после Патриарха митрополит Арсений (Стадницкий; 1862–1936) тогда же провидчески заметил: «История показывает, что сила гонений всегда слабее духа исповедничества и мученичества» [15]. На заседании соборяне произвели даже сбор пожертвований для образования благотворительного фонда имени митрополита Владимира. Менее чем через два месяца, 5 (18) апреля 1918 г., Собор принял специальное определение «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь», в котором, среди прочего, было решено установить поминовение «в день 25 января или в следующий за сим воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников» [16]. Тем самым день убийства митрополита Владимира стал поминальным днем для Православной Церкви, назвавшей его (равно как и всех других, пострадавших за веру) исповедником и мучеником.

Спустя полгода погибли еще два архиерея — члена Поместного Собора: 7 (20) июня убили архиепископа Пермского Андроника (Никольского; 1870–1918), а 16 (29) июня — епископа Тобольского Гермогена (Долганёва; 1858–1918).

Владыка Андроник — строгий монах-аскет, человек безукоризненной нравственности и чести, входивший в состав Издательского отдела Собора, — резко отрицательно воспринял приход к власти партии большевиков, выступив категорическим противником всех, посягавших на церковное имущество. Понимая, что в любой момент может подвергнуться аресту, он составил специальное распоряжение, в котором запрещал духовенству своей епархии совершения богослужений, за исключением напутствия умирающих и крещения младенцев. 17 июня 1918 г. он был арестован. В ночь на 20 июня чекисты вывезли архиепископа в окрестности Перми и заставили рыть себе могилу. Затем живого забросали землей, через которую несколько раз выстрелили в лежащего архиерея [17].

Не менее страшной была и смерть епископа Гермогена, на первой сессии Собора занимавшего должность заместителя председателя Отдела высшего церковного управления. Еще в апреле 1918 г., обвинив в контрреволюционных действиях, его арестовали в Тобольске, вскоре переправив в Екатеринбург, где в то время содержалась под арестом Царская семья. В июне владыку вновь увезли, на сей раз в Тюмень, поместив на пароходе «Ермак». В дальнейшем епископа Гермогена заставили работать на строительстве укреплений около села Покровского — родины его друга, а затем заклятого врага Григория Распутина. В конце концов он был переведен на пароход «Ока», направлявшийся к Тобольску. На пути к городу владыку утопили, привязав к шее камень [18].

Получив известие о расправе над архиепископом Андроником, Собор создал специальную комиссию по расследованию законности его ареста. В комиссию вошли три соборянина — архиепископ Василий (Богоявленский;

1867–1918), архимандрит Матфей (Померанцев; 1881–1918), ранее расследовавший убийство митрополита Владимира, и Алексей Данилович Зверев (1867–918), мирянин по избранию от Московской епархии. Все они были убиты на обратном пути из Перми в Москву: ворвавшиеся в поезд красноармейцы без предъявления каких-либо претензий расправились с ними (расстреляли и изрубили их тела шашками). Все случилось 15 (28) августа 1918 г.

Тем же летом 1918 г., 26 июня (8 июля), в Уфе, на реке Каме, был расстрелян член Собора по избранию от Уфимской епархии мирянин Александр Федорович Ница (1870–1918), к 1917 г. служивший директором Уфимской частной мужской гимназии. Летом 1918 г. он находился в родном городе, принимая активное участие в церковной работе. В условиях разгоравшейся Гражданской войны подобная активность не могла не восприниматься большевиками иначе, как «контрреволюционная». Поэтому, когда стало известно, что «белочехи» и их союзники приближаются к городу, местные большевики, готовясь к эвакуации, арестовали в качестве заложников более 200 человек. Среди них оказался и А. Ф. Ница, ставший жертвой строителей «нового мира» только потому, что был открытым сторонником укрепления основ православной жизни народа.

Бессудные расправы над членами Поместного Собора на этом не прекратились. Месяц спустя, 12 (25) августа 1918 г., по дороге из Белогорского Свято-Николаевского монастыря Пермской епархии в город Осу был захвачен и расстрелян архимандрит Варлаам (Коноплев; 1858–1918), избранный на Собор от монашествующих и на тот момент уже сложивший с себя полномочия члена Собора [19]. Причины его убийства до сих пор неизвестны. Быть может, те, кто отдал приказ о расправе над архимандритом, припомнили ему участие (в качестве почетного члена) в Пермском губернском отделении Союза русского народа? Однако в любом случае расправа была бессудной и циничной, выглядела скорее как месть авторитетному среди местного населения пастырю, человеку

глубокой веры и горячему поборнику традиционных православных ценностей.

В сентябре 1918 г. в Витебске был арестован и расстрелян без предъявления обвинения мирянин Георгий Иванович Полонский (1890–1918) – избранник Собора от Полоцко-Витебской епархии. Ранее он состоял гласным Витебской городской думы, во время войны служил обер-офицером для поручений при Инспекторе Военно-Воздушного флота. Здесь же его избрали председателем солдатского комитета. 19 июня 1918 г. в Витебске он выступил с докладом об организации союза православных приходов и о необходимости борьбы с «церковным большевизмом», своеобразным социальным недугом, на который в то время Собор обращал пристальное внимание и с которым вел серьезную борьбу. Создание епархиальных и приходских союзов стало одним из методов этой борьбы. Через еженедельник «Витебское церковно-общественное слово» Г. И. Полонский обращался к духовенству, церковно-общественным организациям и мирянам епархии с просьбой сообщать о всем том, что было связано с церковной жизнью епархии: об отношении населения к Церкви, к преподаванию Закона Божия в школах, к декрету об отделении Церкви от государства, к деятельности Поместного Собора и епархиальных съездов, к восстановлению патриаршества и т. д. [20]. Вероятно, эта его деятельность и стала причиной бессудной над ним расправы, тем более что случилась она после покушения на В. И. Ленина и убийства М. С. Урицкого, когда большевики объявили о начале «красного террора».

Жертвой этого террора стал и другой мирянин – избранник Полоцко-Витебской епархии – Борис Андреевич Бялыницкий-Бируля (1875–1918), в начале XX века служивший городским судьей в Витебске, а с 1912 г. состоявший губернским земским гласным от Витебского уезда и гласным Витебской городской думы. Человек глубокой веры, он громко заявлял, что «одна государственность без религии – ничто», что «основа всего – православная вера, народность и государственность» [21].

В революционных условиях подобные суждения новые власти могли воспринять как «контрреволюционные утверждения», наказанием за которые и стал расстрел — «в ответ на убийство Урицкого и ранение Ленина». Трагедия случилась 31 августа (12 сентября) или, по другим данным, 5 (18) сентября 1918 г.

Вскоре, в сентябре 1918 г., заседания Поместного Собора вынужденно прекратились, однако вплоть до конца октября продолжал работу Соборный Совет — исполнительно-распорядительный его орган (последнее заседание состоялось 10 (23) октября). Таким образом, можно говорить о том, что окончательно все работы завершились именно к указанному сроку. Тогда же был подведен и скорбный итог убийствам членов Собора, ибо 6 октября (по григорианскому календарю) бессудно были убиты еще два соборянина — епископ Лаврентий (Князев; 1877–1918) и избранник Донской епархии мирянин Лев Захарович Кунцевич (1876–1918). Первый был расстрелян в городском Почаинском овраге Нижнего Новгорода; второй — в Астраханской губернии, на центральной площади города Черный Яр. Владыку арестовали в начале сентября — очевидно, как заложника — в связи с упоминавшимися выше событиями: покушением на главу Совнаркома и убийством руководителя ЧК Петрограда. Через месяц он был бессудно убит. Л. З. Кунцевич, до революции служивший противосектантским миссионером, также воспринимался большевиками как враг. В Астраханскую епархию он прибыл вместе с епархиальным архиереем — архиепископом Митрофаном (Краснопольским; 1869–1919)¹, вскоре после этого поселившись в городе Черный Яр. Там Л. З. Кунцевич выполнил данное ему архиепископом Митрофаном поручение — 26 мая прочел в местном соборе послание Святейшего Патриарха Тихона от 19 января 1918 г., в котором анафематствовались творящие беззаконие, гонители веры и Церкви. Его арестовали в конце

¹ В декабре 2001 г. архиепископ Астраханский Митрофан был причислен к лику новомучеников и исповедников Церкви Русской.

июля, продержав в тюрьме более двух месяцев. Несмотря на то что ни в каких «контрреволюционных» организациях он не состоял, приговор был вынесен самый жесткий [22].

Так начинался крестный путь соборян, тех, кто своей жизнью запечатлел верность вере и Церкви, кто не поддавался соблазнам революционного времени и кто стремился всемерно укреплять Церковь в условиях набравшей силу воинствующего богоборчества. Гражданская война разрасталась, жестокость становилась нормой. Многие члены Собора, дожившие до осени 1918 г., погибли в последующие времена, некоторым из соборян пришлось навсегда покинуть Россию. Но можно ли сказать, что их кровь не смогла остановить насилий, что их смерть не спасла Церковь от организационного разгрома, организованного вскоре большевиками?

Полагаю, что такое заключение было бы не только неверным, но и неполным.

Во-первых, насилия не привели к уничтожению Церкви и веры, укрепив силы тех, для кого смысл жизни заключался в следовании Христу. В Евангелии есть такие Его слова: *Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё* (Мф. 13, 33). Не будет ошибкой признать, что они, первомученики русской смуты, и стали той «закваской», без которой было бы невозможным возрождение веры в посткоммунистической России, освободившейся от государственной атеистической идеологии и вновь стремящейся найти путь ко Христу. Все они ныне прославлены в лике святых: как священномученики, преподобномученики и мученики. Их память почитается, им молятся, у них учатся стоянию в вере. Они, как и все новомученики и исповедники Церкви Русской, своей смертью доказали истинность слов Тертуллиана о крови христиан как семени, посрамив скептиков своего времени и показав всему христианскому миру великое значение слов Христа: «Вы — соль мира» (ср.: Мф. 5, 13–14).

Во-вторых, новомученики, как сказал Святейший Патриарх Кирилл, — «это герои, а без героев не может

существовать народ, не может существовать нация». Таким образом, они дали образец жизни человека, жизни в Боге и с Богом, жизни, обращенной к людям и проводимой для них. А ведь «подлинный герой всегда несет в себе высокий нравственный заряд, нравственную силу» [23], без которой не может существовать никакая страна, тем более та, для которой идеалы святости всегда были основополагающими.

Фирсов С. Л.,
профессор Санкт-Петербургской духовной академии
и Санкт-Петербургского государственного университета

[1] Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 17-81-01045 «Русская Церковь и Гражданская война в России».

[2] Указ о назначении князя Г. Е. Львова главой Временного правительства, а великого князя Николая Николаевича – Верховным главнокомандующим был датирован Императором 14 часами 2 марта 1917 г., а манифест об отречении в пользу великого князя Михаила Александровича – 15 часами того же числа. (См., напр.: Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927 (Репринт: М., 1990). С. 163.)

[3] См. подр.: Фирсов С. Экспроприация совести. Хулиганство как социальное явление // Звезда. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1997. № 9. С. 178–186.

[4] Врангель П. Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. I. С. 7, 26.

[5] Деникин А. И. Очерки истории русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 78–80.

[6] Дневник А. А. Киреева // НИОР РГБ. Ф. 126. Д. 14. Л. 173 – 173об. Запись от 5 августа 1906 г.

[7] Там же. Л. 153об. Запись от 30 [мая] 1906 г.

[8] С Царской семьей под арестом: Дневник обер-гофмейстерины Е. А. Нарышкиной // Нарышкина Е. А. Мои воспоминания: Под властью трех царей. М., 2014. С. 432. Запись от 20 мая / 2 июня 1917 г.

[9] Платонов С. Ф. Переписка с историками. М., 2003. Т. 1. С. 230.

[10] Бунин И. А. Дневник 1917–1918 гг. // Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 48. Запись от 13 октября 1917 г.

[11] Там же. С. 58. Запись от 21 ноября 1917 г.

[12] Гиппиус З. Дневники. М., 1999. Т. 2. Запись от 22 января 1918 г.

[13] Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 109. Запись от 23 [января] 1918 г.

[14] Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Вторая сессия / Сост. А. А. Плетнева и Гюнтер Шульц. М., 2001. С. 90.

[15] Там же. С. 92.

[16] Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994 (Репринт). Вып. 3. С. 55.

[17] См. подр.: Дамаскин (Орловский), игум. Андроник (Никольский) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 411–413.

[18] См. подр.: Мраморнов А. И. Ермоген (Долганёв) // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 654–658.

[19] См. подр.: Дамаскин (Орловский), игум. Варлаам (Коноплев) // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. VI. С. 580–581.

[20] Горидовец В., свящ. Жизнеописание Георгия Полонского // Полоцко-Витебская епархия. Статистические сведения о духовенстве и приходах (1861–1990) (<http://www.witebsk.orthodoxy.ru/i2/saint/st/polonskij.html>).

[21] Горидовец В., свящ. Жизнеописание Бориса Бялыницкого-Бирули // Полоцко-Витебская епархия. Статистические сведения о духовенстве и приходах (1861–1990) (<http://www.witebsk.orthodoxy.ru/i2/saint/st/birulija.html>).

[22] Иосиф (Марьян), игум. Жизнеописание Льва Захаровича Кунцевича // Верую... И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым (<https://orthodoxy33.wordpress.com/2011/10/11/nmdjn/>).

[23] Патриарх Кирилл: новомученики – это герои // (<http://www.pravoslavie.ru/87849.html>).